Год, когда я всему говорила ДА

Автор:
Шонда Раймс

Год, когда я всему говорила ДА

Шонда Раймс

Одним рождественским утром она поняла, что несчастна. Ее жизнь превратилась в бесконечный забег по кругу «работа – дом – работа», где не было места новому опыту и сильным эмоциям. И тогда Шонда Раймс бросила себе вызов – целый год говорить «да!» всему, от чего раньше отказывалась. Да – интервью в прямом эфире. Да – выступлению перед выпускниками Йельского университета. Да – игре в куклы с дочкой. Да – настоящей жизни! Эта книга – одновременно веселые мемуары незаурядной женщины и захватывающий тренинг преображения жизни. Она содержит удивительно простой и невероятно действенный рецепт обретения себя.

Шонда Раймс

Год, когда я всему говорила ДА

Shonda Rhimes

YEAR OF YES

Copyright © 2015 by Ships At A Distance, Inc.

© Мельник Э., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БЕСТСЕЛЛЕРЫ

Большая пятерка для жизни. Как найти и реализовать свое предназначение

Наверняка у вас есть список из пяти вещей, которые сделают вас безмерно счастливыми и воплотят вашу заветную мечту. А что, если это не пустые надежды, а самая настоящая реальность? Прочитав новую книгу автора бестселлера «Кафе на краю земли» Джона Стрелеки, вы сможете воплотить все свои самые смелые мечты и узнаете, как взять жизнь в свои руки, стать настоящим лидером и найти силы на ежедневные подвиги.

Выдохшиеся. Когда кофе, шопинг и отпуск уже не работают

Одна из 100 самых влиятельных людей по версии журнала Time Арианна Хаффингтон показывает, что современное понимание успеха буквально убивает нас. Она сформулировала новые, экологичные, правила успеха, по которым уже живут тысячи людей. Благодаря этой книге вы научитесь балансировать между карьерой и личной жизнью; справляться со стрессом, эмоциональным выгоранием и хронической усталостью; планировать свой распорядок с учетом сна, занятий спортом и хобби; а также находить время для самого главного и самых любимых.

Жить на полную. Выбери лучший сценарий своего будущего

У каждого из нас не мало целей, которые пылятся на полке с табличкой «когда-нибудь». Когда-нибудь я построю дом, свожу родителей за границу, выучу иностранный язык, напишу книгу, встречу настоящую любовь, заведу ребенка. А

что если взять и все «когда-нибудь» превратить в «когда» – с точной датой и временем? Авторы этой книги предлагают раз и навсегда отказаться от «заплыва по течению» и создать план своей жизни. Такой, который позволит сократить бессмысленную рутину и заняться тем, что по-настоящему важно.

Теория невероятности. Как мечтать, чтобы сбывалось, как планировать, чтобы достигалось

Никакой магии. Только здравый смысл, психология и чуть-чуть веры в чудеса. Книга Татьяны Мужицкой – известного психолога, тренера и телеведущей – раскрывает механизмы исполнения желаний. Она предлагает до изящного простую технологию превращения «хочу» в «имею». Без аффирмаций, визуализаций и танцев с бубном. Зато почти со стопроцентной гарантией, что задуманное сбудется. Главное – быть последовательным и оперативно реагировать на счастливые возможности, которые подкидывает судьба.

Посвящается Харпер, Эмерсон и Беккетт

Да будет каждый год годом «Да». Да унаследуете вы будущее, в котором от вас больше не потребуется быть П.Е.И. А если этого пока не случилось – вперед, начинайте революцию. Я верю – вы можете.

…и Делорс

За то, что дала мне разрешение начать мою собственную революцию. И за то, что всякий раз говорила «да» и была рядом, стоило мне произнести твое имя. Ты П.Е.И. в нашей семье – для нас пятерых, которые шли за тобой. Спасибо за то, что даешь нам второй шанс.

Потребность в переменах, как бульдозер,

шоссе пробила посреди сознанья.

МАЙЯ АНГЕЛУ

Если хочешь, чтобы с тобой перестала случаться всякая дрянь, перестань довольствоваться дрянью и требуй чего-то большего.

КРИСТИНА ЯНГ «Анатомия страсти»

Привет!

Я стара и люблю врать

(это своего рода отказ от ответственности)

Я – врунья.

Пусть все об этом знают, плевать.

Я постоянно что-то выдумываю.

Мой мозг так и тянется к вымыслу. Прямо как цветок за источником света. Или как правая рука – за шариковой ручкой. Склонность привирать подобна скверной привычке: легко подцепить, трудно избавиться. Плести небылицы, травить байки – вот мой маленький грязный порок. И мне он нравится. Но прежде чем вы начнете строить догадки о моем психическом здоровье, позвольте объясниться: это не просто плохая привычка – это моя работа.

Чес-слово!

Взаправду.

Много лет назад она вынуждала меня вставать на колени в церкви во время школьных переменок, читая молитву Розария[1 - Одна из основных католических молитв. Слово «Розарий» означает «венок из роз». Святой Розарий является как бы небесным венком, сплетенным из молитв и размышлений – Прим. ред.] то одной, то другой монахине в католической школе Св. Марии в Парк-Форесте, штат Иллинойс. Так меня наказывали. Наказывали за то, что в скором будущем стало моей прямой, честное-слово-клянусь-Иисусом-Марией-и-Иосифом, обязанностью.

«Только не говори никому! Знаешь, кто моя мама? Беженка из России. Она была помолвлена с одним парнем, Владимиром, ей пришлось покинуть любовь всей своей жизни и все такое. Как это печально! А теперь она вынуждена притворяться совершенно обычной американкой, иначе всех нас могут убить. Конечно же, я говорю по-русски. Еще бы! Что? Да она чернокожая русская, тупица! Такая же, как белые русские. Только чернокожая. В общем, не суть, какая она там русская, главное, мы никак, ни в коем случае не можем туда поехать, она теперь там приговорена. За то, что пыталась убить Леонида Брежнева. В смысле – зачем?! Ты что, вообще ничего не знаешь? Чтобы предотвратить ядерную зиму. Чтобы спасти Америку. А ты как думала!»

По идее, меня следовало бы похвалить – ведь я знала, кто такой Леонид Брежнев. По идее, мне полагались бонусные очки за интерес к советской политике. По идее, кому-то не мешало бы поблагодарить меня за то, что я просвещала таких же десятилеток, как я сама, насчет холодной войны.

Колени. Церковь. Монахини. Розарий.

Я способна проговорить Розарий даже во сне. Я и проговаривала его во сне.

И виной тому – моя любовь к плетению небылиц. Плетение небылиц в ответе за все, что я делала и делаю, за все, что я есть, за все, что есть у меня. Без побасенок, вымысла, придуманных мною историй весьма вероятно, что сегодня, прямо сейчас, я была бы очень тихой библиотекаршей в Огайо.

Плоды моего воображения изменили ту дорожку вниз по наклонной, которую прочили мне монахини в нашей школе. Придуманные мною истории привели меня из маленькой спаленки, которую я делила со своей сестрой Сэнди в доме предместья Чикаго, в студенческую общагу одного из университетов Лиги

плюща в холмах Нью-Гемпшира. А потом доставили и до самого Голливуда.

Моя судьба целиком и полностью едет верхом на моем воображении.

Греховные россказни, которые влекли за собою наказание в виде молитвы во время школьных переменок, это те же истории, которые теперь позволяют мне покупать в продуктовом магазине бутылку вина и стейк, не задумываясь об их цене. Эта возможность очень важна для меня. Когда-то она стояла в списке жизненных целей. Даже Целей! Ведь в ту пору, когда я была нищей студенткой киношколы, у меня часто не водилось денег. Мне приходилось выбирать между вином и вещами вроде туалетной бумаги. Стейк в этом уравнении даже не рассматривался.

Или вино, или туалетная бумага.

Вино.

Или.

Туалетная бумага.

Туалетная бумага побеждала не всегда.

Я сейчас заметила, как вы одарили меня этаким взглядом. Вы правда меня осудили?

Нет. Вы не стали бы открывать эту книгу лишь затем, чтобы осуждать меня. Не так мы с вами начнем наше путешествие и не так закончим. Мы пройдем его, как настоящие друзья. Так что пусть та, что без вина, первой бросит в меня камень.

И да, порой туалетная бумага проигрывает.

Потому что иногда вино безденежной женщине нужнее.

Так что вам придется сделать мне поблажку, если я не расположена извиняться за свою любовь к волшебству двусмысленности и вымысла. Потому что вымыслом я зарабатываю на жизнь.

Теперь работа воображения – моя работа. Я пишу телевизионные сценарии. Я придумываю персонажей. Я мысленно творю целые миры. Я добавляю новые слова в лексикон повседневных разговоров – может быть, благодаря моим фильмам вы говорите о «веджейджей»[2 - Отсылка к телесериалу «Анатомия страсти».] и рассказываете друзьям, что у вас на работе кого-то «уконтраПоупили»[3 - Отсылка к телесериалу «Скандал».]. Я рожаю детишек, я обрываю жизни. Я танцую. Я играю положительных героев. Я оперирую. Я гладиаторствую. Я отпускаю грехи. Я плету небылицы, травлю байки и заливаюсь соловьем, сидя у костра. Вымысел – моя работа. Вымысел – мое призвание. Вымысел – мой кайф.

Да, я лгунья.

Но теперь я лгунья профессиональная.

«Анатомия страсти» была моей первой настоящей работой на телевидении. То, что ею оказалась созданная мною же телепрограмма, означает, что я ничего не знала о работе на телевидении, когда начинала создавать собственную телепрограмму. Я расспрашивала всех телесценаристов, с которыми сталкивалась, о том, что? это за работа такая, каково это – быть ответственным за целый сезон сериала кабельного телевидения? Я получила целую кучу полезных советов, большинство которых давали ясно понять, что каждая программа уникальна и отличается от всех остальных. С одним исключением: все до единого встреченные мною сценаристы сравнивали работу на телевидении с одним и тем же образом – прокладкой рельсов для надвигающегося скорого поезда.

Сюжет – это рельсы, и ты должна укладывать их, потому что надвигается этот самый поезд. Поезд – это производство. Ты продолжаешь писать, продолжаешь укладывать рельсы, потому что поезд производства надвигается на тебя – несмотря ни на что. Каждые восемь дней съемочной группе нужно начинать готовиться к новому эпизоду: искать съемочные площадки, строить декорации, создавать костюмы, находить реквизит, планировать съемки. И каждые восемь дней после этого группе нужно снимать новый эпизод.

Восемь дней на подготовку.

Восемь дней на съемки.

Восемь дней, восемь дней, восемь дней, восемь дней.

Это означает, что каждые восемь дней этой съемочной группе нужен новехонький сценарий. И моя работа, черт возьми, обеспечить его. Каждые. Восемь. Дней. Потому что худшее, что ты можешь сделать, – это застопорить производство, сбросить поезд с рельсов и вогнать студию в сотни тысяч долларов убытков, пока все тебя ждут. Именно так превращаются из просто телесценаристов в телесценаристов-неудачников.

Поэтому я научилась укладывать рельсы оперативно. Искусно. Творчески. И при этом быстро, как долбаная молния.

Присы?пать слоем вымысла.

Вставить в брешь какую-то историю.

Приколотить по краям воображением.

Я всегда ощущаю пятой точкой жар мчащегося поезда. Он так и норовит меня раскатать. Но я не отступаю в сторону, позволяя холодному ветру ударить в лицо, когда поезд пронесется мимо. Я никогда не отступаю. Не потому, что не могу. Просто не хочу. Что это тогда за веселье? А ведь как по мне, на всем свете нет лучшего веселья. Этот адреналин, эта спешка, это… я называю это гулом. Этот гул, который гудит внутри моей головы, когда я нахожу нужный творческий ритм, нужную скорость. Когда укладка рельсов переходит от ощущения, будто карабкаешься на четвереньках в гору, к ощущению полета по воздуху без малейших усилий. Словно преодолеваешь звуковой барьер. Все внутри просто переключается. Я преодолеваю творческие границы. И ощущение от укладки рельсов меняется, трансформируется, превращается из напряжения в экзальтацию.

Я теперь дока в этом деле – в плетении небылиц.

Я могла бы выступать в этом виде спорта на Олимпиаде.

Но есть еще одна проблема.

Я стара.

Не в том смысле, что потрясаю кулаками и ору, если кто-то удумает пробежаться по моей лужайке. И не в морщинисто-почтенно-старейшинском смысле. Снаружи я вообще не похожа на старуху. В смысле снаружи я выгляжу очень даже хорошо.

Я выгляжу молодо.

И, возможно, мне никогда не светит выглядеть каргой преклонных лет. Серьезно. Я никогда не состарюсь. Не потому, что вампирша или что-то в этом роде. Я никогда не состарюсь, потому что я – дочь своей матери.

Моя мать? Она выглядит невероятно. В худшем случае, в свой самый плохой день, она похожа на слегка обеспокоенную двадцатипятилетнюю женщину, которая накануне слишком рьяно веселилась на вечеринке. Этой женщине скоро исполнится… ей не понравится, если я вам скажу. Так чтобы вы знали: у моей матери шестеро детей, семнадцать внуков и восемь правнуков. Каждый раз, когда ее вижу, говорю, что она потрясно выглядит. И это правда.

Все женщины в моем роду выиграли в генетическую лотерею.

Думаете, я шучу?

Ничуть!

Старея, я встану в один ряд с остальными женщинами по маминой линии и буду наслаждаться всеми привилегиями от обналичивания этого выигрышного билета. Потому что мы не просто выиграли в лотерею – мы получили джекпот, детка. Все шесть чисел[4 - В американской лотерее Powerball в каждом розыгрыше происходит выбор пяти чисел из первого блока (от 1 до 69, белые шары) и одного числа из второго (от 1 до 26, красные шары). При выигрыше джекпота он обычно выплачивается тридцатью ежегодными платежами).].

Мои тетки, кузины, сестры – все мы, потомки моей бабули Роузи Ли, – начинаем чертовски хорошо выглядеть с возрастом. Мы с моей сестрой Сэнди любим напоминать друг другу, что «будем самыми горячими штучками в доме престарелых». Именно это одновременно и горько, и сладко, и печально. Из-за моего мозга.

Мой мозг. О, мой мозг!

Мой мозг – он такой старый!

Ужасно старый.

Старый до беззубости.

Так что да, я буду одной из двух самых горячих штучек в доме престарелых «Закат» для тех, кто не желает такой жизни, как в «Серых садах»[5 - Телевизионный биографический фильм-драма о двух стареющих чудаковатых родственницах Жаклин Кеннеди.]. Но хотя мне наверняка суждено быть королевой этого бала старых перечниц, я не вспомню о том, что когда-то мне казалось, будто быть сексуальной штучкой в доме престарелых – это весело. Может быть, внешне я и выиграла в генетическую лотерею, но вот внутри…

Мы тут делаем выбор между вином и туалетной бумагой, договорились?

Моя память – полный отстой.

Это незаметно. Наверное, не будь у меня необходимости с утра до вечера самовыражаться, вытаскивать из собственной головы слова, я бы этого и не заметила. Но мне приходится. Так что я об этом знаю. Может быть, если бы моей первой телевизионной работой не был медицинский сериал, который заставлял меня с воплями кидаться к врачу с ипохондрической уверенностью в опухолях и болезнях всякий раз, стоило мне чихнуть, я списала бы все это на недостаток сна. Но он заставлял. Так что списать не выйдет.

Имена забываются. Подробности одного события смешиваются с другим. Феерическую историю, которую, как я была уверена, рассказал один человек, на самом деле рассказывал другой. Содержимое моей черепной коробки –

выцветающая фотография. Истории и образы уплывают в неведомые дали, оставляя проплешины там, где следовало быть имени, событию или месту.

Любой, кто смотрел «Анатомию страсти», знает, что я одержима лечением болезни Альцгеймера. Любой, кто знаком со мной хотя бы шапочно, в курсе, что больше всего на свете я боюсь заболеть болезнью Альцгеймера.

Так что я абсолютно уверена: эта болезнь у меня есть. Я уверена, что у меня есть Альцгеймер. Настолько уверена, что хватаю остатки своей памяти и мчусь с ними к врачу.

Альцгеймера у меня нет.

Пока.

(Спасибо тебе, вселенная! Ты красавица и умница!)

У меня нет Альцгеймера.

Просто я стара.

Наполним бокалы за мою юность.

Просто время мне не друг. Мою память медленно, но верно вытесняют пустые пространства. Детали моей жизни исчезают. Со стен моего мозга воруют картины.

Это изнурительно. Это приводит в растерянность. А порой бывает смешно. И часто печально.

Но.

Я зарабатываю на жизнь плетением небылиц. Всю жизнь этим занимаюсь. Так что…

Даже не подчиняясь никакому плану, даже не предпринимая сознательных попыток, даже не осознавая, как это получается, рассказчица внутри меня делает шаг вперед и решает проблему. Моя внутренняя лгунья берется за дело, отодвигая в сторону мозг, и принимается сучить пряжу. Начинает просто… заполнять пустые пространства. Латать дыры и соединять точки.

Укладывать рельсы для поезда, который надвигается, несмотря ни на что.

Потому что это весело, детка.

Залакировать отсутствующую действительность вымыслом – вот цель.

Эта книга – не вымысел. Она не о персонажах, которых я придумала. Ее действие происходит не в «Сиэтл Грейс» и не в «Поуп и партнеры». Она обо мне. Она имеет место в реальности. И в ней, по идее, должны быть только факты.

Что означает, что я не могу ничего приукрасить. Не могу понемножку прибавить то тут, то там. Не могу приспособить здесь ленточку, а вон там горстку блесток. Не могу придумать концовку получше или ввести более волнующий поворот. Не могу просто сказать «да ну на фиг» и выдумать славную небылицу.

Я не могу травить байки. Мне необходимо рассказать вам правду. Все, с чем мне приходится работать, это правда. Но это моя правда. И в этом заключается проблема.

Вы понимаете, верно?

Итак, вот он, мой отказ от ответственности.

Правда ли все то, что написано в этой книге, до последнего-распоследнего словечка?

Надеюсь, что так.

Думаю, так.

Верю, что так.

Но как я, черт возьми, смогу вспомнить, если это было не так?

Я стара.

Мне нравится выдумывать.

Ладно. Это возможно. Где-то здесь вполне могут оказаться рельсы. Я вообще могла уложить рельсы для поезда по всем этим страницам. Я не нарочно. Я не старалась это сделать. И не думаю, что сделала. Но это возможно.

Это правда, которую я помню. Правда, какой я ее знаю. Настолько, насколько может знать старая лгунья. Я очень-очень стараюсь. И поэтому, даже если я не изложила в точности каждую деталь… что ж…

…еще раз для галерки, все вместе…

Я стара.

И я люблю врать.

Пролог

Во весь рост

Когда мне впервые предложили написать об этом годе, моим первым побуждением было сказать «нет». Писать о себе – от этого почти такое же ощущение, как если бы я решила влезть на стол в очень чопорном ресторане, задрать платье и продемонстрировать всем, что я без трусов.

В смысле ощущение шокирующее.

Это выставляет на обозрение те кусочки и крошки, которые я обычно держу при себе.

Сомнительные кусочки.

Тайные крошки.

Видите ли, я – интроверт. Законченный. До мозга костей. Мой костный мозг – это костный мозг интроверта. Мои сопли – это сопли интроверта. Каждая клеточка в моем теле при каждом набираемом мною слове непрерывно орет мне, что писать эту книгу – поступок противоестественный.

Истинная леди никогда не раскрывает свою душу за пределами будуара.

Показывая вам себя голяком во весь рост, я нервничаю и дергаюсь, словно у меня сыпь на неприличном месте. Я начинаю тяжело дышать, точно перепуганная псина. Начинаю неуместно смеяться на публике всякий раз, как подумаю, что люди это читают.

Написание книги вызывает у меня дискомфорт.

И в этом, дорогой мой читатель, весь смысл. Вся цель. Вот почему я все равно ее пишу. Несмотря на тик, смешки и тяжелое дыхание.

Излишек комфорта в моей жизни – вот с чего все это началось.

Точнее, с излишка комфорта и с того, что я услышала шесть ошеломительных слов.

И еще с индейки.

1

НЕТ

«Ты никогда ничему не говоришь «да».

Шесть ошеломительных слов.

Вот исток и начало всего. Моя сестра Делорс произнесла шесть этих слов и тем изменила все. Она произнесла шесть слов – и теперь, когда я пишу это, я уже стала другим человеком.

– Ты никогда ничему не говоришь «да».

Она даже не произнесла эти шесть ошеломительных слов. На самом деле она их пробормотала. Ее губы едва шевелились, глаза безотрывно следили за большим ножом, который она держала в руке, нарезая кубиками овощи – в бешеном темпе, пытаясь обогнать часы.

Да-да-да.

Нынче 28 ноября 2013 года.

Утро Дня благодарения. Так что, ясное дело, ставки высоки.

День благодарения и Рождество всегда были маминой епархией. Она дирижировала семейными праздниками с безупречным совершенством. Еда всегда вкусна, цветы всегда свежи, краски всегда сочетаются. Все идеально.

В прошлом году мама объявила, что устала одна делать всю работу. Да, в ее исполнении она выглядела легкой и непринужденной, но это не означает, что она была таковой на самом деле. Так что моя мать, продолжая оставаться верховным божеством, объявила о своем отречении от трона.

И вот этим утром Делорс начинала свой путь к коронации.

Ответственность сделала мою сестру собранной и опасной.

Бормоча эти слова, она даже взглядом меня не удостаивает. Нет времени. Голодные родственники и друзья нагрянут к нам меньше чем через три часа. А мы еще даже не добрались до стадии поливания индейки соком. Так что если

моя сестра не может меня убить, запечь и подать с начинкой, подливой и клюквенным соусом, то получить ее полное и безраздельное внимание в данную минуту мне не суждено.

– Ты никогда ничему не говоришь «да».

Делорс – старшая дочка в нашей семье. Я – младшая. Нас разделяют двенадцать лет. Этот временной промежуток заполняют наши братья и сестры: Эльнора, Джеймс, Тони и Сэнди. Учитывая такое количество братьев и сестер между нами, в детстве у меня возникало ощущение, будто мы с Делорс существуем в одной и той же солнечной системе, но никогда не бываем на планетах друг у друга. В конце концов, Делорс ведь поступала в колледж, когда я собиралась в детский сад.

У меня сохранились смутные воспоминания о ней: Делорс слишком сильно тянет меня за волосы, заплетая косичку, отчего у меня начинается головная боль. Делорс учит моих старших братьев и сестер новому танцу под названием «Бамп». Делорс шествует к алтарю на своей свадьбе, мы с Сэнди идем позади, держим шлейф платья, отец ведет ее под руку… В детстве она была образцом того типа женщины, в который мне полагалось превратиться.

Взрослая Делорс – одна из моих самых близких подруг. Большинство наиболее важных воспоминаний моей взрослой жизни связаны с ней. Так что, полагаю, здесь и сейчас вполне уместно ее присутствие, бормочущей в мой адрес эти слова. Вполне уместно то, что прямо сейчас именно она говорит, в кого мне стоит превратиться, когда я вырасту. Именно она находится в центре события, которое станет одним из самых важных воспоминаний моей жизни.

Этот момент действительно важен.

Она этого не знает. Я этого не знаю. Прямо сейчас – нет. Прямо сейчас этот момент совершенно не выглядит важным. Прямо сейчас он выглядит как утро Дня благодарения, а Делорс уже устала.

Она поднялась до рассвета и напомнила мне вынуть из холодильника индейку весом в девять с половиной кило, чтобы та обогрелась. Затем проехала четыре квартала, отделяющие ее дом от моего, чтобы заняться приготовлением ужина на всю нашу большую семью. Еще нет и одиннадцати, но она занимается этим

уже несколько часов.

Нарубить, смешать, приправить. Она трудится в поте лица.

А я наблюдаю за ней.

Это не так ужасно, как звучит.

Я не то чтобы ничего не делаю.

Я не бесполезна.

Я подаю ей то, что она просит. Кроме того, к моей груди в детском слинге приторочена моя трехмесячная дочь, а на бедре у меня сидит другая дочь, полутора лет от роду. Старшей, одиннадцатилетней, я уже соорудила прическу, выключила телевизор, который она смотрела, и впихнула в детские руки книжку.

И еще мы разговариваем. Мы с сестрой. Мы разговариваем. Обмениваемся новостями о том, что произошло после нашего последнего разговора, э-э… вчерашнего или, может быть, позавчерашнего.

Ну, ладно. Хорошо. Это я говорю.

Я говорю. Она готовит. Я все говорю, и говорю, и говорю. Мне многое нужно ей рассказать. Я перечисляю ей все приглашения, которые получила за последнюю неделю. Один отправитель хочет, чтобы я выступила на конференции, другой приглашает на светскую вечеринку, а еще меня просят приехать в такую-то страну и встретиться с ее королем, а также выступить в сякой-то телепрограмме. Я перечисляю десять или одиннадцать полученных приглашений. Рассказываю о каждом во всех подробностях.

Признаюсь вам, что попутно я вбрасываю пару лакомых кусочков, сплетаю пару побасенок, укладываю еще отрезок рельсов. Я намеренно немножко хвастаюсь – пытаюсь добиться от своей старшей сестры какой-то реакции. Я хочу произвести на нее впечатление. Хочу, чтобы она считала меня крутой.

Видите ли, я росла в прекрасной семье. Мои родители, братья и сестры обладают многими замечательными качествами. Все они невообразимо красивы и умны. И, как я уже говорила, все выглядят свеженько, точно младенчики в утробе. Но у всех членов моей семьи, моих ближайших родственников, есть один общий, огроменный, отвратительный, преступный изъян.

Они ни в грош не ставят мою работу.

Вот совсем.

Никто из них.

Ни один.

Их всерьез удивляет то, что я могу на кого-то производить впечатление. По какой бы то ни было причине. Люди, которые ведут себя по отношению ко мне так, словно я самую малость их интересую, приводят моих родственников в глубокое недоумение. Они озадаченно пялятся друг на друга всякий раз, когда кто-нибудь обращается со мной как с человеком, отличным от того существа, которое они привыкли видеть во мне, – от их напрочь безбашенной, чрезмерно болтливой младшенькой сестрички.

Голливуд – место странное. Здесь легко потерять контакт с реальностью. Но ничто не возвращает человека на землю так, как толпа братьев и сестер, которые, стоит кому-нибудь попросить у тебя автограф, принимаются переспрашивать неподдельно перепуганным тоном: «У нее? Автограф – у Шонды? Вы уверены? У Шонды? Нет, погодите-ка, что, правда у Шонды? У Шонды РАЙМС? Но почему?!»

Это верх грубости. И все же… подумайте, как много раздутых эго было бы спасено, если бы у каждого из них имелось по пять старших братьев и сестер. Они меня любят. Очень. Но они не потерпят никакой селебрити-VIP-чепухи от малышки в очках со стеклами толстыми, как бутылочные донца, которая на их глазах заблевала супом с лапшой-буковками все заднее крыльцо дома, а потом поскользнулась и влетела в комочки рвоты физиономией.

Вот поэтому я сейчас выплясываю вербальный степ по всей кухне, сотрясая ее так, словно стремлюсь завоевать главный приз конкурса – зеркальный шар. Я

пытаюсь заставить сестру показать хоть какой-то признак того, что она впечатлена, хоть какой-то намек на то, что она может счесть меня крутой – хоть самую малость. Попытки вызвать реакцию у людей, с которыми я связана родственными узами, стали для меня почти игрой. Игрой, в которой я, смею верить, однажды одержу победу.

Но не сегодня. Сестра не соизволяет даже моргнуть в мою сторону. Вместо этого – нетерпеливая, возможно, усталая и, вероятно, испытывающая тошноту от звука моего голоса, все перечисляющего и перечисляющего мои фантастические приглашения, – она меня обрывает:

– Ты собираешься что-то из этого сделать?

Я умолкаю. Немного ошарашенная.

– А?.. – вот что я говорю. – Чего?..

– Эти мероприятия. Эти вечеринки, конференции, ток-шоу. Ты сказала какому-нибудь из них «да»?

Я на минуту застываю. Безмолвная. Растерянная.

О чем это она? Сказать «да»?

– Ну… Нет. Я имею в виду… нет, – запинаясь, говорю я. – Я не могу сказать… Естественно, я сказала «нет». В смысле я же так занята!

Делорс не поднимает головы. Продолжает рубить овощи.

Потом, поразмыслив, я пойму, что она, наверное, даже не слушала меня. Наверное, она думала о том, хватит ли у нее тертого чеддера для макарон с сыром, которые она собиралась готовить следующими. Или решала, сколько печь пирогов. Или гадала, как бы ей отделаться от приготовления ужина в День благодарения в следующем году. Но в тот момент до меня это не дошло. В тот момент… сестра не поднимает головы? Это определенно что-то ЗНАЧИТ. В этот момент то, что сестра не поднимает головы, кажется мне поступком намеренным.

Многозначительным.

Вызывающим.

Грубым.

Я должна защитить себя. Как мне себя защитить? Что мне…

Именно в этот момент (и настолько кстати, что я решаю, что вселенная меня прямо-таки обожает) Беккетт, мое трехмесячное солнышко, привязанное слингом к моей груди, решает изрыгнуть молочный гейзер, который низвергается по переду моей блузки устрашающим теплым водопадом. А сидящая на бедре моя чопорная полуторалетняя дочь, истинная луна для солнышка-Беккетт, морщит носик.

– Я кое-что учуяла, милая! – говорит она мне. Эмерсон всех называет «милыми». Кивая ей и промокая вонючее горячее молочное пятно, я делаю паузу. Беру себя в руки.

И вот он, мой щит!

– Беккетт! Эмерсон! У меня малышки! И Харпер! У меня старшая – младший подросток! Подростки – такие нежные цветочки! Я просто не могу куда-то ездить и чем-то там заниматься! Мне нужно заботиться о детях!

Я выпаливаю все это поверх кухонного стола, адресуя примерно в сторону своей старшей сестрицы.

Погодите-ка. Если уж зашла речь о заботе… Мне еще нужно заботиться о том, что называется «вечером четверга». Ха! Я выплясываю победный шимми по кухне и тычу в сестру пальцем. Злорадно.

– А еще у меня есть работа! Две работы! «Анатомия страсти» и «Скандал»! Трое детей и две работы! Я… занятая женщина! Я мать! Я сценарист! Я руковожу телепрограммами!

Бам!

Победа кажется мне полной и безоговорочной. Я – мать. Мать, прах его дери! У меня дети. ТРОЕ детей. И я веду два телепроекта одновременно. От меня зависит работа более чем шестисот человек. Я – мать, которая работает. Я – работающая мать.

Как… Бейонсе.

Да!

Именно как Бейонсе.

Я и приношу домой бекон, и жарю его на сковороде. Это не отговорка. Это факт. Никто с ним не поспорит. Никто не может спорить с Бейонсе.

Но я забыла, что это Делорс.

Делорс может поспорить с кем угодно.

Делорс откладывает в сторону нож. Она на самом деле перестает готовить и откладывает в сторону нож. Потом поднимает голову и смотрит на меня. Моей сестре, главной победительнице в нашей семейной генетической лотерее, за пятьдесят. Хорошо так за пятьдесят. Ее сыновья – взрослые мужчины с университетскими дипломами и своими карьерами. У нее есть внуки. И все же меня часто спрашивают, не дочь ли мне моя пятидесятисемилетняя сестра.

Вот ведь ужас-то!

Так что когда Делорс поднимает голову, чтобы взглянуть на меня, она скорее похожа на дерзкую четырнадцатилетнюю девчонку, чем на мою самую старшую сестру. Это четырнадцатилетнее личико прожигает меня взглядом.

– Шонда.

Вот и все, что она говорит. Но это говорится с такой уверенностью…

Поэтому я выпаливаю:

– Мать-одиночка!

Ну, это уже бесстыдство. И вы, и я это знаем. Ибо хотя определение «мать-одиночка» формально мне подходит – я мать, и я одиночка, – зато не подходит мне его культурный и обиходный смысл. Пытаясь присвоить этот термин, словно я – нищая мамаша, изо всех сил пытающаяся прокормить семью, я поступаю как задница. Я это знаю. И знаете, что ужасно? Делорс тоже это знает.

Мне нужно положить конец этому разговору. Я поднимаю брови и натягиваю свою командирскую маску. Ту, которую надеваю в офисе, когда мне нужно, чтобы все перестали со мной спорить.

Сестре на мою командирскую маску плевать. Но она снова берется за нож, возвращаясь к нарезке.

– Помой сельдерей, – велит она мне.

И я мою сельдерей. Каким-то образом запах сельдерея, движения рук в раковине, радость Эмерсон, расплюхивающей ладошками воду по кухонному столу, – все это убаюкивает меня, внушая ложное чувство защищенности.

И поэтому я оказываюсь неподготовленной.

Я поворачиваюсь. Протягиваю ей мокрый чистый сельдерей. И удивляюсь, когда, продолжая рубить зелень, Делорс начинает говорить:

– Ты – одиночка и мать, но ты не мать-одиночка. Я живу от тебя в пяти кварталах. Сэнди – в четырех. Твои родители живут в сорока минутах езды и всегда с радостью посидят с детьми. У тебя есть буквально лучшая няня в мире. У тебя три изумительные близкие подруги, которые с готовностью помогут тебе в любую минуту. Ты окружена родственниками и друзьями, которые тебя любят, людьми, которые хотят, чтобы ты была счастлива. Ты сама себе хозяйка – твоя работа требует от тебя только такой занятости, которой ты сама хочешь. Но ты никогда не занимаешься ничем, кроме работы. Ты никогда не веселишься. А ведь когда-то ты очень любила повеселиться. Теперь на тебя сыплются все эти замечательные возможности – шансы, которые бывают раз в жизни, – и ты ни одним из них не пользуешься. Почему?

Мне неуютно. Я меняю позу. По какой-то причине мне все это не нравится. Мне в этом разговоре вообще все не нравится. Моя жизнь прекрасна. Моя жизнь великолепна. В смысле – оглянись вокруг!

Погляди!

Я… счастлива.

Вроде как.

Вроде как счастлива.

Типа того.

Не лезь не в свое дело, Делорс. Ты меня раздражаешь, Делорс. Людям не полагается быть Бенджаминами Баттонами[6 - Герой фильма «Загадочная история Бенджамина Баттона», человек, который жил «задом наперед», родившись 80-летним и молодея с каждым днем.], так что твое личико – явный результат сделки с Сатаной, Делорс! Знаешь что, Делорс? Ты воняешь как какашка!

Но я ничего этого не говорю. Просто долго стою на одном месте. Наблюдаю, как она рубит овощи. И наконец отвечаю. Вложив в голос нужное количество небрежного высокомерия:

– Да ну тебя на фиг.

А потом отворачиваюсь, надеясь тем самым показать, что разговор окончен. Я направляюсь к креслам и диванам, где осторожно сгружаю задремавшую Беккетт в плетеную колыбельку. Укладываю Эмерсон на пеленальный столик, чтобы сменить подгузник. Через минуту я поднимусь на второй этаж и попытаюсь найти незамызганную блузку, чтобы переодеться к ужину. Свежий подгузник надет. Я сажаю Эмерсон себе на бок, укладываю ее головку на свое плечо, и мы поворачиваемся лицом к сестре, когда я направляюсь к лестнице. И вот тогда-то она их и говорит. Эти шесть слов.

Бормочет. Почти неслышно.

Заканчивая рубить репчатый лук.

Шесть ошеломительных слов.

– Ты никогда ничему не говоришь «да».

На одно мгновение время останавливается. Становится ясным застывшим моментом, который я никогда не забуду. Одной из картин, которые никогда не будут сняты со стены моего сознания. Моя сестра одета в коричневый худи, волосы стянуты в аккуратный пучок на затылке. Она стоит у стола с ножом в руке, с опущенной головой, и перед ней на столе растет на разделочной доске маленькая горка нарубленного белого лука.

Она подмешивает к луку эти слова.

– Ты никогда ничему не говоришь «да».

Швыряется этими словами, точно гранатой.

– Ты никогда ничему не говоришь «да».

А потом сестра сгребает с доски лук и принимается шинковать сельдерей. Я иду наверх, чтобы сменить блузку. Прибывают родственники и друзья. Индейка запекается идеально. Ужин великолепен.

И там, посреди всего великолепия, лежит граната. Безмолвная. замаскированная. Я не думаю о ней.

– Ты никогда ничему не говоришь «да».

День благодарения приходит и уходит.

Может быть?

Граната несколько недель лежит в анабиозе.

Она катается в моем мозгу, ее чека благополучно сидит на месте. Настолько тихо и незаметно, что я могу позабыть о ее существовании. Я живу своей обычной жизнью. Езжу на в офис, пишу сценарии, работаю над эпизодами на ТВ, возвращаюсь домой, обнимаю малышек, читаю сказки на ночь.

Жизнь в норме.

Происходит одно событие, выходящее за рамки обыденности: я лечу в Вашингтон как новый куратор Кеннеди-центра. Я присутствую на праздниках, впервые побывав в Белом доме. А потом по каким-то волшебным причинам, которые я и по сей день не понимаю, мне говорят, что я буду сидеть вместе с президентом и первой леди в их ложе на церемонии вручения наград в Кеннеди-центре.

Меня не спрашивают. Мне сообщают. Мне не дают шанса сказать «нет». Уверена, в основном потому, что никому и в голову не придет, будто я пожелаю отказаться от такой чести. А кто бы отказался?

Я надеваю очень красивое, расшитое бисером вечернее платье. На моем спутнике – новенький смокинг. Мы сидим прямо позади президента и миссис Обамы на протяжении всей церемонии. Я слишком стесняюсь и нервничаю, чтобы прохрипеть больше пары слов, когда мне представляется шанс поговорить с действующим президентом и его леди. На связные предложения меня уже не хватает. Но я собой довольна. Я получаю удовольствие.

Мы пьем коктейли в одном зале с Карлосом Сантаной и Ширли Маклейн. Причащаемся «культурой улиц», получая возможность сказать, что «были там», когда Снуп Дог благодарил Херби Хэнкока за изобретение хип-хопа. Мы слушаем, как Гарт Брукс поет песню Билли Джоэла «Goodnight Saigon» вместе с хором ветеранов. Это упоительно. Кажется, что весь этот вечер пропитан колдовством. Каким бы циничным ни считал это Белтвэй[7 - Территория внутри кольцевой автодороги вокруг Вашингтона. Негативная метафора разделения Америки на «политические круги» и «население».], какими бы пресыщенными ни

казались политики, все же Вашингтон – город, которому не хватает истинного цинизма Голливуда. Люди там по-настоящему радуются и волнуются, и этот энтузиазм заразителен. Я лечу обратно в Лос-Анджелес, наполненная бьющим через край чувством оптимизма.

Граната взрывается без предупреждения.

Это случается в четыре утра за пару дней до Рождества. Я лежу на спине посреди своей королевского размера кровати. Глаза распахиваются помимо моей воли. Что-то рывком пробуждает меня, выдергивает из сна.

Такое внезапное пробуждение для меня не новость.

Как и все прочие матери на планете, с того момента, как мой первый ребенок появился на свет, настоящего крепкого сна я лишилась. Материнство означает, что я постоянно немного бодрствую, немного настороже. Бдю, так сказать, одним глазом. Так что в пробуждении из-за чего-то посреди ночи для меня нет ничего необычного. Удивительно то, что это «что-то» никак не связано с ребенком, который вопит во весь голос, стоя в колыбельке. Дом безмолвствует. Мои девочки крепко спят.

Так почему же не сплю я?

Если бы меня спросили, я бы сказала «нет».

Эта мысль заставляет меня сесть в постели.

Что?

Если бы меня спросили, я бы сказала «нет».

Мое лицо начинает пылать. Мне стыдно, словно кто-то другой, находящийся в комнате, подслушал слова внутри моей головы.

Если бы меня спросили, хочу ли я сидеть в президентской ложе на церемонии вручения в Кеннеди-центре, я сказала бы «нет».

Абсурд!

Но это правда. Это совершенно точно правда.

Я уверена в этом так же, как в своей потребности дышать. Я сказала бы это «нет» осторожно. Уважительно. Изящно. Я придумала бы творческий предлог, выразив одновременно и восхищение, и сожаление. Этот предлог был бы хорош, он был бы блестящим.

Я имею в виду – чего уж там! Я же писатель.

Я была бы красноречива и мила – никто не смог бы отклонить приглашение так изящно, как я. Все вы отмазываетесь по-дилетантски – я же отмазываюсь настолько умело, что могла бы выступать в высшей лиге по отмазкам.

Я киваю самой себе. Конечно. Как бы я с этим ни справилась, я определенно сказала бы «нет». Это неопровержимый факт.

Если бы меня спросили, я бы сказала «нет».

Серьезно?

Я вылезаю из постели и встаю на ноги. Теперь у сна нет ни одного шанса. Это требует осмысления. Это требует вина. Спустившись вниз, я падаю на диван и вглядываюсь в огоньки наряженной елки. Держа в руке бокал с вином, запиваю этот вопрос.

Почему я сказала бы «нет»?

Теперь я знаю ответ. Я знала этот ответ еще до того, как встала с постели. Мне просто хотелось вина.

Потому что это страшно.

Я ответила бы «нет» на предложение сидеть в президентской ложе в Кеннеди-центре с президентом и первой леди, потому что перспектива сказать «да» меня пугает.

Я сказала бы «нет», потому что, если бы я сказала «да», мне пришлось бы на самом деле сделать это. Мне пришлось бы действительно пойти и сидеть в ложе, присутствовать там и познакомиться с президентом и первой леди. Мне пришлось бы вести светскую беседу и о чем-то говорить. Мне пришлось бы пить коктейли рядом с Карлосом Сантаной.

Мне пришлось бы делать все то, что я на самом деле делала в тот вечер.

И я замечательно провела время. При всем при том это был один из самых памятных вечеров в моей жизни.

Слушайте, я же славлюсь тем, что умею сочинять хорошие истории.

Того рода хорошие истории, которые, будучи рассказаны за ужином, смешат моих друзей. Которые порой заставляют моего спутника на свидании поперхнуться коктейлем и забрызгать весь стол. Того рода хорошие истории, из-за которых все просят меня «еще раз рассказать вот эту». Это моя суперспособность – рассказывать хорошие истории. Гладкие истории. Забавные истории. Эпичные истории.

Я могу сделать хорошей любую историю. Я могу взять самую невыразительную историю и сделать ее привлекательной. Дело в том, что хорошая история – это не преднамеренное вранье. Самые лучшие истории правдивы. Чтобы история была хорошей, от меня просто требуется… опустить неприглядные фрагменты.

Те фрагменты, в которых, прежде чем отбыть в Белый дом, я десять минут убеждаю себя, что у меня нет желудочного гриппа, что я в порядке. В которых я всерьез раздумываю, не вылизать ли пыль с донышка пузырька от ксанакса[8 - Средство для лечения панических расстройств, тревожных неврозов.], потому что – о да, я больше не принимаю ксанакс, прошло двенадцать лет с тех пор, как этот препарат был моим другом. Фу, ведь этой ксанаксовой пыли действительно двенадцать лет?

В которых я сплю четырнадцать часов подряд, потому что настолько отупела от стресса, что теперь – либо спать, либо бежать. И я не имею в виду – бежать на беговой дорожке. Я имею в виду – спасаться бегством. В смысле прыгнуть в машину, поехать в аэропорт, сесть в самолет и скрыться.

Бежать.

Это кажется мне гораздо лучшим планом, чем выходить на публику, ощущая, как в моем теле вопит каждый нерв.

Вот кто я есть.

Молчунья.

Тихоня.

Интроверт.

Мне комфортнее с книгами, чем с новыми ситуациями.

Я с детства живу внутри своей головы. Мои самые первые воспоминания – о том, как я сижу на полу в кухонной кладовке. Я сидела там, во тьме и тепле, часами, играя в королевство, которое создавала из консервных банок.

Мое детство не было несчастливым. Поскольку я была младшей в семье из восьми человек, в любой конкретный момент рядом находился кто-то готовый почитать мне, аплодировать придуманной мною истории или позволить подслушать свои подростковые секреты. Любые сестринские и братские ссоры из-за лишней печеньки или последнего куска торта всегда заканчивались уравнительным вздохом: «Отдай это малышке».

Я была любима, я была звездой, я была Блю Айви[9 - Дочь Бейонсе и Джей-Зи.] своего мира. Я не была несчастливым ребенком.

Я просто была необычным ребенком.

К счастью для меня, родители высоко ценили все необычное. И поэтому, когда мне хотелось часами играть в кладовке с консервными банками, мама не велела мне прекратить баловаться с едой и пойти играть в другое место. Вместо этого она прикрывала дверь и оставляла меня в покое, объявляя это признаком творческой натуры.

Вы должны поблагодарить ее за мою любовь к длинным сериальным драмам.

Мир, который я создавала в маленькой кладовке, наполненной консервными банками и коробками круп, был серьезен: в те дни я описала бы его как сольную игру в стиле «зима-близко-где-мои-драконы», но это было не HBO[10 - Home Box Office – североамериканская кабельная и спутниковая телевизионная сеть, более всего известная своими сериалами.]. Это были пригороды 1970-х. Нам не требовались реалити-TV, потому что TV было реальным.

Это было время заката Никсона. Когда в крохотном черно-белом телевизоре, который моя мать притащила в кухню и установила на стул рядом с дверью кладовки, разыгрывался Уотергейт, мое трехлетнее воображение создавало собственный мир. Большие банки с ямсом повелевали горошком и фасолью, в то время как крохотные горожане Помидории планировали революцию с целью свергнуть власть. Там были заседания правительств, неудачные покушения и отставки. Время от времени мама распахивала дверь кладовки, наводняя мой мир светом. Она вежливо сообщала мне, что ей нужны овощи к ужину. Консервное судилище приговаривало банку кукурузы к смерти за предательство, и я передавала обвиняемую в руки палача.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Одна из основных католических молитв. Слово «Розарий» означает «венок из роз». Святой Розарий является как бы небесным венком, сплетенным из молитв и размышлений – Прим. ред.

2

Отсылка к телесериалу «Анатомия страсти».

3

Отсылка к телесериалу «Скандал».

4

В американской лотерее Powerball в каждом розыгрыше происходит выбор пяти чисел из первого блока (от 1 до 69, белые шары) и одного числа из второго (от 1 до 26, красные шары). При выигрыше джекпота он обычно выплачивается тридцатью ежегодными платежами).

5

Телевизионный биографический фильм-драма о двух стареющих чудаковатых родственницах Жаклин Кеннеди.

6

Герой фильма «Загадочная история Бенджамина Баттона», человек, который жил «задом наперед», родившись 80-летним и молодея с каждым днем.

7

Территория внутри кольцевой автодороги вокруг Вашингтона. Негативная метафора разделения Америки на «политические круги» и «население».

8

Средство для лечения панических расстройств, тревожных неврозов.

9

Дочь Бейонсе и Джей-Зи.

10

Home Box Office – североамериканская кабельная и спутниковая телевизионная сеть, более всего известная своими сериалами.

Купить: https://tellnovel.com/rayms_shonda/god-kogda-ya-vsemu-govorila-da

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити